

**ПРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПОВЕСТИ АЛЕНА БРАВО
«РАЙ ДАВНО ПЕРЕНАСЕЛЁН»**

М.Г. Лобан, И.В. Банчук
(Мозырь, Беларусь)

В статье исследуется нравственно-этическая проблематика свободы / несвободы женщины в психологической повести белорусской писательницы Алены Браво. Сопоставляя жизненные условия героинь, этические идеалы, сформировавшие их мировоззрение, авторы выделяют типологию женских характеров, получивших в рамках художественного произведения социально-психологическую обусловленность.

А. Браво – одна из немногих писателей Беларуси, которого можно смело назвать апологетом чистого феминизма, не карикатурного бунтующего, а провозглашающего право женщины на автономию личности. Центральной героиней у А. Браво всегда является Женщина: Тиран, Жертва, Спасительница и пр. Ее внутренний мир, нравственные установки, жизненная позиция исследуются автором с точки зрения разных подходов: психологического, социокультурного, философского, мифологического. Но всякий раз выявляя «родословную» своей героини, Алена Браво дает ей четкую нравственно-этическую оценку.

Интернет-сайты приводят следующие отзывы о поэтических экспериментах белорусского прозаика: «Проза этой писательницы всегда вызывает бурные споры... Что в эпоху тотального невнимания читателей к нашей литературе свидетельствует: произведение состоялось, задел некий общественный нерв. Ведь в этом и есть задача литературы: выявлять болезненные точки... Героини Алены Браво – женщины, которые не боятся говорить о своих проблемах и отстаивать право быть самими собой» [1].

«В то же время мои героини – обычные женщины, которых отличают разве что склонность к самоанализу и повышенная эмоциональность, острота восприятия, – замечает автор. – Их судьбы во многом определяются их внутренним устройством, у которого есть свои объяснения. К примеру, мне захотелось проследить

историю женской несвободы в нескольких поколениях – получилась повесть «Рай даўно перанаселены» [1].

Примечательно, что в своём исследовании темы женской несвободы на протяжении многих поколений автор идёт вслед за И.А. Ефремовым, известным гуманистом-фантастом, показавшим мир социально-психологического «инферно» (роман «Час Быка»). А. Браво интерпретирует данное понятие по-своему и дает ему меткое определение: «Это «тюрьма», в которую из поколения в поколение передаётся «нож ненависти» – результат причин и следствий, относящихся к факту этой «передачи», образующей т. н. «цепь зла». Оба автора исследуют причины появления этого инфернального феномена: «цепь зла» возникает в обстановке тоталитарного государства с патриархальной ментальностью, где подавление частных интересов коллективными иллюзорными идеалами масс-культуры навязывает сознанию женщин опасные для них формы поведения («Любовь можно и нужно заслужить», «Смысл жизни – в любви к мужчине», «Хочешь быть успешной – следуй идеалу» и др.) [2]. «Липовые» общественные идеалы у Браво – лишь исключения, воплощенные в образах уважаемых и успешных женщин (Терешкова, Орлова и др.), которые «существуют не для того, чтобы подтвердить правила; исключения существуют для того, чтобы под бравадные ритмы вознести их на пьедестал и лживо, напоказ выдавать за подлинные правила» [1]. Благополучно становясь капканом для множества юных

душ, исключения лишь в неволе осознаются как издевка, как противоречие «*жисти, какой она есть*». И пленницы лихорадочно пытаются освободиться, яростно отрезая «*ножом ненависти*» родную «*плоть и кровь*».

Неизменным спутником «*ножа ненависти*» является «*стеклянное яйцо*», символ упрямых заблуждений и узколобых привязанностей к ложным ценностям. Данный «артефакт» принадлежит множеству героинь А. Браво, но получает конкретное воплощение в повести «Рай давно перенаселён».

«Яйцо» – художественный символ инфантильности, характерной для жертв недолюбленности и культурного фаст-фуда. Инфантил воспринимает всех людей не как «сотрудников / учителей», а как средство удовлетворения своих эгоистических потребностей. Отсюда возникают неоправданные ожидания от окружающих, мечты-миражи, пустые фантазии, которые разбиваются о жизненные реалии. Тем не менее, большинство героинь А. Браво вновь стремится выстроить свои любимые воздушные замки на песках изменчивого бытия. Это становится для множества поколений, целого народа инстинктом, трансформирующим как жизнь, так и смерть в нелепый фарс. Вспоминается ироничное, на грани «чёрного юмора», сравнение могил с детской песочницей, в которую живые превращают последнее обиталище мёртвых, которым «*безразличны эти из ритуального «Детского мира» игрушки, ведерки-формочки, яркий и нестрый хлам, который люди-дети тащат сюда для того, чтобы самих себя подбодрить и успокоить*» [2]. Если похороны становятся «театром абсурда», то проживание «однообразных» однообразных дней приобретает оттенок трагедии с налётом «обломовщины» Гончарова (роман «Обломов») и «клоповщины» Маяковского (пьеса «Клоп»). Фальшивое солнышко в центре «стеклянного яйца» никоим образом не греет, а лишь отбирает лучшие годы, душевные силы, драгоценное здоровье. Мнимый цыплёнок, воплощенный зачастую в «*принца на белом коне*» или «*доску почётную*», трансформируется в Годо, ожидаемого целую жизнь. А кто и отказывается от подобного ожидания, то чаще всего не от прозрения, а от усталости, из-за которой уже не в состоянии высидеть «*яичко простое*». Ведь «*люди всегда так: красивую стекляшку найдут себе, за нею и солнца не видят*» [2]. В этом и состоит трагедия несвободы инфантильных героев.

Нравственные законы социума каждая из героинь А. Браво постигает по-своему. У каждой из них своё «стеклянное яйцо», олицетворяющее, с одной стороны, красивую мечту о свободной счастливой жизни, с другой стороны, намекающее на иллюзорность этих планов. Зазеркальная жизнь очень хрупкая, она в любой момент может разбиться, а свободное, ничем не омраченное существование исчезнет. А может ли быть эта свобода внутри замкнутого пространства «стеклянного яйца»? Свободны ли героини от своих домашних обязательств, работы, поручений, мыслей, поступков, навязанных им извне...

В повести «Рай давно перенаселён» А. Браво изучает «потомственную мутацию» несвободы женщин одного семейства (бабушка Вера – мать – героиня-рассказчица). В рамках художественного целого выявляется целая типология женских характеров, обрисованных в свете нравственно-этической проблематики «свободы / несвободы личности».

Наиболее распространенный в повести тип «*приспособленки*» (1) представлен тремя подтипами героинь – «Домашний Тиран», «Раковая Опухоль» и «Коловратка»,

которым понятие «свободы» чуждо. Кроме того, в сознании этих особ оно искажено до такой степени, что понимается только как «*право на собственных рабов*». Настоящие попытки осуществления этого «права», подобно щупальцам спрута, неумолимо захватывают всех, находящихся в сфере их влияния. Кто-то – прямым физическим и психологическим насилием (Домашний Тиран – мать), кто-то – ненасытным потребительством, загромождением жизненного пространства и хамоватым невежеством (Капа, Брюхатый). А отдельные героини (Коловратки) действуют исподтишка, сплетая ажурную сеть интриг из лести и рефлексивной эмпатии, однако результаты их оккупации зачастую куда плачевнее, нежели первых двух...

Помимо характерной «экспансии зла», приспособленцев роднит яркая приверженность Системе. Именно к ней – родной и любимой – готовы отчаянно приспосабливаться Коловратки (устраиваться – наилучший талант как Фамусова, так и Капы). Именно её интересы рьяно будут отстаиваться, путем осмеяния творческих опытов девочки-подростка: «*Девочка, деревья – неразумные существа, из этого следует, что они не могут мечтать, видеть сны*» [2].

С трудом по «*сизифовой технологии*», полной стахановщины и суетных рвений, полумёртвое существование им обеспечено. Встречу со счастьем, способным дать «*жизнь на полную*», «капы» стремятся избежать, «*ибо для того, кто пуст внутри, как футбольный мяч, и не имеет в себе ни любви, ни мудрости*», она оборачивается «*страхом смерти*». И он, как «*метастазы раковой опухоли, разрастается в пустоте их души*», и «они, наделенные, как назло, несокрушимым здоровьем и все той же сатанинской энергией, бегают по общественным приемным, строчат анонимки, дожимают бессмысленными звонками «*правоохранительные органы*», бесконечно судятся...» [2].

Противопоставлены «тёмному царству» агрессивных «приспособленцев» «*жертвы*» – тип (2), куда более сложный, противоречивый, т.к. в него при внимательном психоанализе способны войти и сами «приспособленцы», причём любого толка. Несмотря на внешнюю подавленность, «*жертва*» интересна тем, что в ней есть потенциал борьбы за свою свободу, пусть и переданный насилием «власть имущего» Тирана. Вопрос только в том, по какой траектории направится потенциал «жертвы»: по накатанной поколениями «*цепи зла*» или вверх, по спирали. Рассказчица мудро решила пойти «*узкими воротами*» самосовершенствования, открепиться от намерений выплеснуть недовольство миром вовне. «*Я не хочу больше невольно способствовать укреплению жестокости и лицемерия, которые творятся в мире именем всех матерей. Так, я больше не хочу никого вынуждать приходить в этот мир, смотреть грезы других спящих и притворно рукоплескать белым одеждам псевдозначительности, которые напяливают на себя хозяева жизни*» [2].

Близок «жертве» тип «*потерянной героини*» (3). В повести к нему можно отнести бабушку, и мать, и дочь. Его активное введение обусловлено экстремальными внешними условиями в социуме (жестокость советского авторитаризма, «перестройка» в лихие 90-е и др.).

«Лишний герой» в повести – это, как правило, личность, наполненная «*опасной в данной среде витальностью для тех, кто умер душой ещё в колыбели*» [2]. Однако вектор витальной энергии либо направлен внутрь себя, либо его «ветер» «*гасят*» инертные «волны» социума, которые выбрасывают каждого сопротивляющегося персонажа на пустынный берег маргинальности.

Самый уникальный социально-психологический тип в творчестве А. Браво – это «спасительница» (4), показанный в образе бабушки Веры, ведь «готовых отдавать куда меньше, чем готовых потреблять» [2]. Образ этой героини очень важен в повести, так как он является не только носителем, но и сакральным символом внутренней свободы. На это прямо указывает выбор имени (Вера), который отнюдь не случаен. Этимология его прозрачна, впрочем, как и сопутствующие Вере Надежда и Любовь, верные спутницы, которых бабушка дарила всем людям.

Душевная щедрость, сердечная теплота, трудолюбие, стремление прийти на помощь – качества, которые помогали бабушке Вере строить свой домашний мир, поддерживали её в трудную минуту. При всей её вечной занятости мужем, детьми, чужими судьбами героиня оставалась свободной и четко знала, чего она хочет. Твердая жизненная позиция давала ей силы самостоя-тельно возводить свой личный мир, в котором бабушка Вера была свободна. Она имела привычку против мни-мых идеалов, ложных идей, героиня была практиком-строителем, творцом любви и созидания.

Горьким укором «недолюбленности» для бабушки Веры была её родная дочь, которая *«делит сумму*

прожитых лет на ноль шансов найти в этой жизни саму себя и получает в итоге бесконечность разочарования... попытка не до конца понятного ей самой отчаяния становится сильнее. Нет, она вовсе не хочет отличаться от других – она, половину жизни положившая на то, чтобы соответствовать! Но подражание плакатным образцам больше не спасает» [2].

Таким образом, нравственно-этическая проблематика повести «Рай давно перенаселен» максимально презентует авторскую индивидуальность Алены Браво, самобытный авторский взгляд на нашу современность. Писательница предупреждает, что за Душу, как за свободу вообще, стоит бороться, дабы время-вода её не было вычерпано многочисленными «хозяевами»-самозванцами. Бороться внутри себя – с собственными стереотипами, а снаружи – с общественными. И так как они тесно переплетаются и взаимозависимы, наилучшим союзником в этой борьбе может стать полное осознание своих истинных потребностей и целей, совмещённое с твёрдым намерением их реализовать (гармония с окружающим миром, самоуважение, осознание смысла собственного бытия, непрерывное самовыражение).

Литература

1. Ласточки подводной славы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.sb.by.
2. Браво, А. Рай давно перенаселен [Электронный ресурс] / А. Браво. – Режим доступа: alankar-st.by/nem10-2013.pdf.